

М.-Э. ТЕСЬЕ ДЮ МОТЭ

Публикация Натальи Эфрос

Тесье дю Мотэ (Tessié du Motay), Мари Эдмон — французский химик, участник революции 1848 г. После июньской демонстрации 1849 г. эмигрировал из Франции и был заочно судим и приговорен к ссылке. В конце 1852 г. друзья (Прудон, Шарль Эдмон и Даримон) выхлопотали ему разрешение вернуться на родину. Тесье поселился в Париже, отошел от политической деятельности и посвятил себя исключительно своей специальности. Изобретения в области освещения газом доставили ему материальное благополучие. В конце шестидесятих годов он занял место директора газовой компании.

Имя Тесье неоднократно встречается на страницах «Былого и дум» и в переписке Герцена. Однако при каких обстоятельствах и когда произошло их знакомство, точно не установлено. В 1851—1852 гг., живя, как и Герцен, в Ницце, он входит в ближайший круг друзей писателя. Тесье находился возле Герцена во время постигших его тяжелых несчастий (гибели матери и сына, болезни и смерти Натальи Александровны). Он был посвящен и в семейную драму Герцена. Тесье принадлежал к числу тех лиц, которым Наталья Александровна поручила объясниться за нее с Гервегом, что, как известно, он и выполнил.

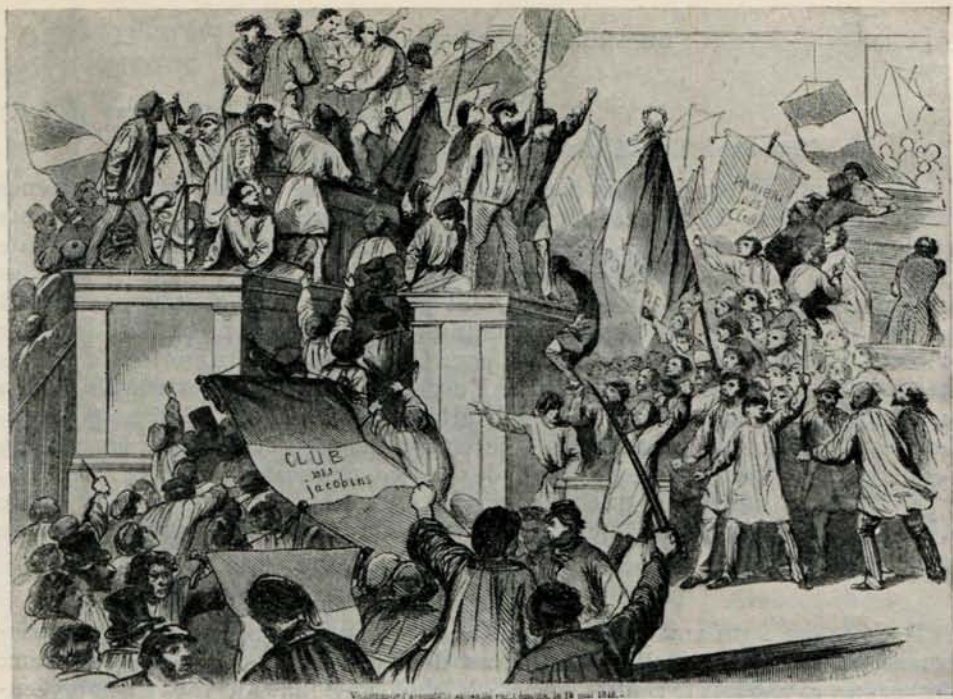
После смерти Натальи Александровны Тесье переехал к Герцену и стал учителем его сына. Составляя в августе 1852 г. духовное завещание, Герцен включил Тесье в состав опекунов своих детей.

С возвращением Тесье во Францию их дружеские связи не прерываются и сохраняются до конца жизни Герцена. Это не мешало Герцену замечать происходившие с Тесье перемены.

Он порицает лояльность Тесье в отношении политического режима Второй империи. «Тесье очень мил..., — писал он Н. А. Огаревой 27 августа 1869 г. — Мне жаль, что у него ленточка <орден>» (XXI, 431, 432). Герцен резко осуждает увлечение Тесье модным тогда спиритизмом. «Для меня нет признака больше верного глубокому падению нашего времени в Европе, как плясанье столов, — говорит он в письме к М. К. Рейхель от 9 июня 1853 г. — Зараза эта дошла и до вас. Тесье занимается им, после этого я сомневаюсь в его химических знаниях» (VII, 246—247). А в «Былом и думах», подводя итоги одиннадцатилетия, прошедшему со дня смерти Натальи Александровны, он с горечью пишет: «Сегодня второе мая 1863 года... Одиннадцатая годовщина. Где те, которые стояли возле гроба? Никого нет возле... иных вовсе нет, другие очень далеко, — и не только географически. Голова Орсини, окровавленная, скатилась с эшафота <...> Тесье дю Мотэ, химик-натуралист, остался тот же, кроткий и добродушный, но сзывает духов и вертит столы» (XIII, 569).

Переписка Герцена с Тесье, о существовании которой свидетельствует ряд упоминаний в письмах Герцена к третьим лицам, за исключением одного письма к нему Тесье от 18 октября 1852 г. из Женевы (VII, 159), в печати неизвестна. Наше письмо является, таким образом, первым публикуемым письмом Герцена к этому корреспонденту.

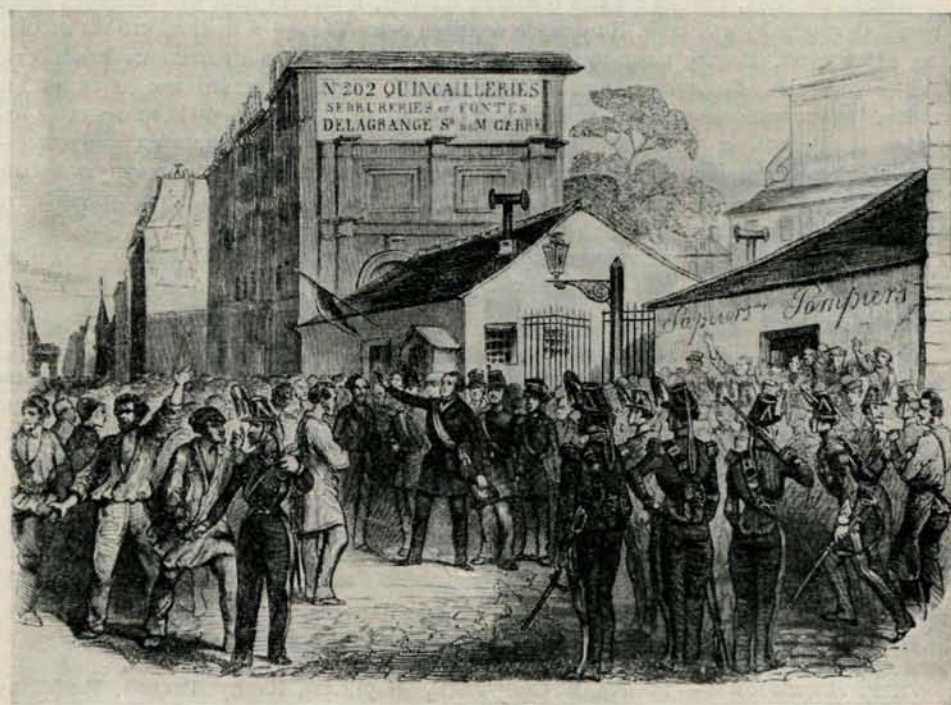
Письмо не имеет даты, но оно, несомненно, относится ко времени пребывания Герцена в Париже между 20 и 29 августа 1869 г. В этот приезд, в связи с намерением переселиться на постоянное жительство в Париж, Герцен был занят подысканием квартиры, о чем упоминается и в этом письме. Тесье, с которым Герцен часто тогда встречался, помогал ему в этих поисках. Дата письма поддается и несколько большему уточнению. Герцен пишет Тесье, что рассказал ему о своих планах остаться в Париже «с госпожой Огаревой» и Лизой». Об этой беседе, надо думать, идет речь и в письме Герцена к Н. А. Огаревой от 26 августа 1869 г. «Я Тесье сказал; он с дружкой говорит о тебе, велел сказать, что климат здесь здоровее Лондона и что найдется дом нам, если нужно здоровейший» (XXI, 431). Письмо к Тесье, написанное, очевидно, после этой беседы («я на днях говорил вам о своих планах», — пишет Герцен), надо отнести, таким образом, к последним дням пребывания Герцена в Париже, т. е. к 27—29 августа 1869 г.

ВТОРЖЕНИЕ В ЗАЛ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ 15 МАЯ 1848 г.

«L'Illustration» от 21 мая 1848 г.

«Я был у дверей Ассамблеи, когда Гюбер произнес: «Именем французского народа объявляю Национальное собрание распущенным» («К друзьям», 2—8 августа 1848 г. Париж)

ДЕМОНСТРАЦИЯ 13 ИЮНЯ 1849 г. В ПАРИЖЕ

В центре — Ледрю-Роллен

«L'Illustration» от 15 июля 1849 г.

Герцен — участник этой демонстрации — должен был покинуть Францию

⟨Париж. 27—29 августа 1869 г.⟩

Mon cher Tessié du Motay,

J'ai besoin de vous [parler d'une chose bien intime] écrire quelques lignes confidentielles. Je vous ai dit l'autre jour en parlant de nos arrangements que je resterais ici avec M-me O⟨gareff⟩ et Lise. D'après une question de Madame Tessié¹—j'ai compris que vous ne lui aviez pas parlé de cela. Entre nous les demi-confidences sont impossibles, et je déteste les pénombres. Lise est ma fille — il y avait des nécessités de famille, qui nous obligeaient à garder ce secret. Cela n'a jamais été un secret pour O⟨gareff⟩ et notre amitié n'a jamais été ébranlée. Maintenant je ne vois pas l'urgence de faire un mystère⟨de⟩ [d'un rapport] cette alliance sérieuse et parfaitement humaine. Il faut nous accepter comme une famille constituée — je vous aime trop et j'estime trop M-me Tessié pour ne pas vous expliquer, dès le commencement, notre position.

Voilà, caro amico, ce qui m'a mis la plume en main pour vous écrire et «omni casu» laissez-moi la conviction que nous resterons bons amis comme par le passé.

Tout à vous Al. Herzen

P. S. Jusqu'à présent je ne suis pas avancé dans ma recherche d'un appartement. Il m'est impossible d'aller au delà de 6.000, 6.500 — et je veux essayer encore une fois le Boul⟨evard⟩ S. Michel. J'attends une lettre de Meysenbourg pour me décider. Peut-être irai-je à Nice — même à Gènes.

Перевод:

⟨Париж. 27—29 августа 1869 г.⟩

Дорогой Тесье дю Мотэ,

Мне нужно написать вам доверительно несколько строк.

Как-то на днях, говоря с вами о наших планах, я сказал вам, что останусь здесь с г-жей O⟨гаревой⟩ и Лизой. Из одного вопроса г-жи Тесье¹ я понял, что вы не сказали ей об этом. Между нами недопустимы полупризнания, и я ненавижу неясность. Лиза — моя дочь; были семейные обстоятельства, заставлявшие нас держать это в тайне. Но это никогда не было тайной для O⟨гарева⟩, и наша дружба никогда не нарушалась. Теперь я не вижу более необходимости делать секрет из этого серьезного и очень человеческого союза. Нам надо рассматривать как правомочную семью. Я слишком люблю вас и слишком уважаю г-жу Тесье, чтобы сразу же не разъяснить вам нашего положения.

Вот, caro amico, что заставило меня взять перо в руки, чтобы написать вам, и, «omni casu», позвольте мне сохранить уверенность в том, что мы попрежнему останемся добрыми друзьями.

Весь ваш Ал. Герцен

P. S. Я до сих пор не подвинулся в поисках квартиры. Я не могу дать больше 6000—6500 и хочу еще раз попробовать на буль⟨варе⟩ С⟨ен-⟩Мишель. Я жду письма от Мейсенбург, чтобы принять решение. Быть может, поеду в Ниццу, а быть может, и в Геную.

Автограф (черновой). ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 203, л. 1.

¹ С женой Тесье Герцен был в дружеских отношениях еще со времени совместной жизни в Ницце в 1851—1852 гг.

Письма Герцена к иностранным корреспондентам переведены:

А. И. Берман — письмо к Ференцу Пульскому;

Л. Р. Ланским — письма к Станиславу Ворцелю, Карлу Гискра, Готфриду Кинкелю, Периклу Маццолени, неизвестной, неустановленному лицу, Эмили Рив;

Л. С. Мандельштам — письма издателю газеты «Daily News», редактору «Kölnische Zeitung»;

Натальей Эфрос — Генри-Чарльзу Кэри (?), неизвестному польскому эмигранту, Пьеру-Жозефу Прудону, Шарлю Рибейролю, М.-Э. Тесье дю Мотэ.